

щественный и міръ духовный, потомъ міръ вещественный подраздѣляется на міръ видимый, міръ слышимый и т. д.; міръ духовный состоитъ изъ міра представленій, міра желаній и т. д. Такъ какъ это уже рѣшено и покончено (судя по всему прежде, чѣмъ начинается мышленіе), то правильное мышленіе ни въ какомъ случаѣ не должно перескакивать изъ одного міра въ другой; между этими мірами (любопытно бы знать, сколько ихъ всѣхъ-то?) существуютъ непроницаемыя перегородки, и слѣдовательно — показать видъ, что есть нѣчто, въ чемъ одинъ изъ нихъ сливается съ другимъ, значить произнести самую страшную ложь.

Такъ выходитъ по логикѣ г. Дреслера, разработавшаго Бенеке; но не такъ это бываетъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности мышленіе есть не что иное, какъ то, что г. Дреслеръ считаетъ совершенною ложью; въ дѣйствительности оно соединяетъ всѣ міры въ одинъ міръ, составляетъ связь и центръ всего своего содержанія. Тотъ не мыслить, кто слышимое только слышитъ, видимое только видитъ, представляемое только представляетъ, желаемое только желаетъ и проч. Въ такой формѣ едва ли мы можемъ воображать себѣ даже душевную жизнь животныхъ. Мыслить же значить соединять, связывать, значить становиться на неподвижную центральную точку и озарять съ этой точки однимъ и тѣмъ же свѣтомъ весь горизонтъ душевной области. По Дреслеру и Бенеке мысль есть какое-то пустое мѣсто, наполняемое разнородными предметами, одними изъ области слуха, другими изъ области зрѣнія, третьими изъ міра желаній и проч. Между-тѣмъ мысль никогда такъ не образуется, никогда не составляется механически: она имѣетъ въ самой себѣ источникъ, изъ котораго развивается. Повторимъ наше прежнее выраженіе: мысль движется не снизу вверхъ, а сверху внизъ, не отъ окружности къ центру, а отъ центра къ окружности.

Это доказывается и образными выраженіями. Положимъ поэтъ говорить: *звѣзды улыбаются*. Думаетъ ли онъ при этомъ смѣшать міръ мертвыхъ предметовъ съ міромъ живыхъ? Думаетъ ли онъ приписать звѣздамъ улыбку, или въ улыбокѣ видѣтъ объясненіе сіянія звѣздъ? Подобныя предположенія уничтожаются самою своею нелѣпностью. Очевидно дѣло идетъ не объ отношеніи между звѣздами и улыбками, и даже вовсе не о звѣздахъ и улыбкахъ; очевидно мысль поэта содержится и родилась совершенно въ другой сферѣ. Изъ этой сферы она выходитъ и соединяетъ въ одинъ образъ сіяніе звѣздъ и улыбку. Такимъ образомъ мысль не составляется, не слагается, не происходитъ изъ соединенія звѣздъ и